

ЧУДЕСАМИ УКРАШЕННАЯ МАТЬ ФЕБРОНИЯ

Великий грузинский поэт Акаки Церетели в поэме «*Торникэ Эристави*» и в других писаниях объявил тремя высшими покровителями грузинского народа трех выдающихся женщин – апостола Нино, великую царицу (согласно грузинской титулатуре – царя) Тамар и великомученицу царицу Кетеван. Эту свою идею поэт запечатлел в поэтико-мистическом видении и обосновал в религиозно-культурологическом рассуждении, согласно которому эти три лица более полно, нежели любой другой герой грузинской истории, выражают идентичность, талант и призвание своего народа и страны.

Все же у матери-Грузии, кроме этих трех ангелов

– слава Богу! – есть еще дети, настолько исключительные, что поневоле рождают желание при соединить и их к этому избранному сообществу. Так в свое время, автор *«Историй и восхвалений венценосцев»*, очарованный блеском царицы Тамар, даже помещал ее рядом с Божественной Троицей¹.

В первую очередь, такое желание вызывает святая мученица царица Шушаник. Шушаник не только сама является одной из величайших героинь и святых Грузии. Она вдохновила своего наставника и свидетеля страстей Иакоба Цуртавели на создание древнейшего грузинского мученичества, шедевра грузинской и мировой литературы. Эта малая жемчужина, по нашему мнению, до сих пор должным образом не оценена во всем своем совершенстве, глубине и вечной новизне. Кроме того, *«Мученичество»*, благодаря личности Шушаник и гению Иакоба, произвело переворот в самосознании грузин и утвердило новое отношение к женщине, которое с тех пор стало одной из оригинальных сторон и украшением грузинского менталитета². Впрочем святая царица и страстотерпица и посвященное ей мученичество

¹ *Картлис цховреба*, II, Тб., 1959, с. 25. Рядом, а не «четвертым членом Троицы», как это понимает современный комментатор (там же, с. 658). Что явствует из самого текста, где пребывание Тамар «четвертицею» со Св. Троицей сравнивается с пребыванием с ввергнутыми в огонь тремя отроками совершенно отличного от них по природе Иисуса Христа [Дан 3, 23, 49–50].

² См. в этом сборнике статью *Завещание Шушаник*.

и так, милостью Божьей, уже более полутора тысяч лет неотступно блистают на небосклоне Грузии двойным сиянием – восхитительного живого существа и созданного вдохновенным художником образа.

В то же время, есть еще одна, равная величайшим грузинским женщинам – Нино, Шушаник, Тамар и Кетеван, подвижница, чье имя и деяние, можно сказать утрачены для нас, они есть и их нет. Хотя и она, подобно Шушаник, является одним из главных персонажей выдающегося образца духовной литературы и видным членом большого собрания грузинских святых. Но промыслом Божиим, не только эта славная личность, но и все собрание, к которому она принадлежала, вместе с его духовным отцом и вождем, на многие века были изъяты из национальной памяти. Гиорги Мерчулэ, всего лишь сто лет спустя, уже с печалью свидетельствовал: *«Ныне чудеса их по множеству времени преданы глубине забвения, всепамятных тех удивительных блаженных людей дела добрые и житие непорочное, тех, которые сияли, как денницы небесного мира под видимым этим и преходящим солнцем»*³.

Гиорги Мерчулэ восстановил их память, но спустя некоторое время пучина забвения опять поглотила их, теперь уже вместе с самим Мерчулэ. Только в начале XX века, благодаря обнаруженной единственной рукописи его труда, имена и дела этих духовных отцов и матерей стали доступны для

³ *Житие святого Григола Хандзтели*, II.

потомков. Но и сейчас еще далеко до достодожной оценки личного величия, подвигов и значения Григола Хандзтели, его сподвижников, и матери Фебронии, среди них. Тем более далеко до такой оценки за пределами Грузии, хотя один иностранный исследователь все же считал, что в эпоху Григола Хандзтели в Южной Грузии располагался один из духовных центров христианского мира⁴. Григол Хандзтели представляет собой весьма редкий в истории Вселенской Церкви и Грузии религиозный тип. Своей разделенной в то время родине он предстал, по выражению еще одного великого агиографа Гиорги Мцире, жизнеописателя Гиорги Афонского, как «совместный отец», «общий наставник», благодатная сила которого притягивала и укрощала знатного и незнатного; к помощи которого, как беспомощное дитя, с упованием прибегал испытанный монах-подвижник⁵; навсегда упокоиться в ногах которого высшей честью почитал государь куропалат Гурген Багратиони⁶; слова которого, как Божьего указания, ожидал собор епископов Грузинской Церкви⁷. На параде великих личностей, который в Грузии того времени устроил Святой Дух, а запечатлел Гиорги Мерчулэ, Григолу Хандзтели принадлежит бесспорное

⁴ Мансуров, Сергей, свящ. *Очерки из истории Церкви*. Клин, Фонд «Христианская жизнь», 2002, сс. 3-6, 36.

⁵ *Житие святого Григола Хандзтели*, XXXII.

⁶ *Ibidem*, XXVIII.

⁷ *Ibidem*, XLII.

первенство, преимущество и превосходство. Поэтому не может не вызвать удивления открытие, что один из персонажей этой повести видится равным великому Григолу, и правильность этого впечатления подтверждают и автор книги, и сам этот персонаж, и, что самое главное, лично отец Григол и собор его сподвижников.

Уже первое ее появление на страницах повести подано автором Гиорги Мерчулэ такими торжественными словами и тоном: *«А достойная и чудесами украшенная мать Феброния прибыла из Самцхе и поселилась в Мерэ. И достойному житию и духовному промыслению ее не было предела. И божественной любовью святой единомысленны и дружны были весьма блаженные эти Божии люди – мать Феброния и отец Григол»*⁸. Примечательно, как с самого начала уравниены *«Божии люди»* – мать Феброния и отец Григол. И как автор, следуя, быть может, уникальному грузинскому обычаю называть женщину перед мужчиной («девочка с мальчиком», «мать с отцом») поминает мать Фебронию прежде отца Григола. Такой склад речи, вполне возможно, не был принадлежностью грузинского языка изначально. И таким образом, кто знает, мы имеем здесь дело с первым таким высказыванием, к которому автора подтолкнула не только общая грузинская тенденция, но и непосредственно обаяние матери Фебронии.

На какой высоте виделась эта подвижница

⁸ *Ibidem*, XI.

самому «*общему наставнику*» – Григолу Хандзтели, обнаруживают его слова, обращенные к домоправительнице царя Ашота Куропалата, которую отец Григол поместил в монастырь матери Фебронии Мерэ, чтобы разбить постыдную связь между царем и этой женщиной. «*Дитя мое, ныне соделалось спасение души твоей, ибо к достолаженной матери Фебронии уважу тебя*»⁹. Это высшая оценка из всех возможных, когда некто в силу благодати, пребывающей в нем, представляется ближним настоящим Божиим человеком, образом Спасителя. Нечто подобное говорится на страницах жития и о самом Григоле Хандтели и об одном из его учеников «*великом Зеноне*»: «*При жизни его [Зенона] и при жизни учителя его не дерзал диавол низвергать мужей в святых этих местах*»¹⁰. Но кажется, оценка святым Григолом матери Фебронии все же более высокого качества.

Как привлекательна рыцарственная готовность грузинских отцов признать величие женщины, как только они с этим величием встречаются. И не просто признать, но с восторгом приветствовать и воздать хвалу!

Эта древнейшая грузинская традиция почти того же возраста, что и христианство в Грузии. Она как будто должна была зародиться еще во времена святой Нино, но в действительности честь ее зачинателя досталась Иакобу Цуртавели. Он

⁹ *Ibidem*, LV.

¹⁰ *Ibidem*, XII.

первый воздал славу Всесильному Богу и Сыну Его Господу нашему Иисусу Христу, *«Который всяко для всего имеет могущество и ободряет и мужей и жен и Своим тем Свое то одоление силы дарует, всем, которые взыскуют Его единым сердцем»*¹¹. Эти сдержанные, характерные для стиля Цуртавели слова перерастают в настоящее восхваление в обращении Григола Хандзтели к почившим сестрам Мерийского монастыря: *«Христолюбцы, правила этого мира в короткое время от отрочества вашего даже до смерти одолевшие Христа ради по слову апостола: «Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге». Когда явится жизнь эта наша, тогда и вы явитесь во славе последующего века [Ср. Кол 3, 3–4]. Вы – у мудрых блаженные и у невежд неведомые, бесконечное богатство, подобно доброму купцу, временным скупавшие, ныне же спящие плотью и бодрствующие духом, у мертвых почитаемые мертвецами и во веки живые от Христа храмом тем духовным, землю в небо обращающие, цветы девства, уподобившиеся Матери Божией, веселящиеся перед Нею, навечно славного того пришествия Сына Ее ожидающие»*¹².

Интересно, найдется ли в мировой литературе подобное превознесение и возвеличение целого собрания женщин? Но этот панегирик, в то же время, является непрямым восхвалением тогда

¹¹ Мученичество Шушаник, XIX.

¹² Житие Григола Хандзтели, LVIII.

уже «*престарелой весьма*» матери Фебронии, ибо она была собирательницей, руководительницей и корифеем этого сонма. При этом, собирательницей и духовным руководителем не только женщин. Как отец Григол поручает матери Фебронии сбившуюся с пути женщину с полным упованием спасения ее души, также и мать Феброния передает отцу Григолу ищущего пути спасения и доверившегося ей в этом деле своего молодого родственника, который впоследствии сделался одним из величайших подвижников своего времени.

«Зенон же ...направился по божественному тому пути, и прибыл к матери Фебронии в Мерэ, ибо был он из дома ее. И волею Божией там был отец Григол. И мать Феброния вручила святому тому непорочного агнца, пастырю тому доброму, который привел его в Хандзту, на месте том злачном Божией милости поселил его и на водах покойных Духа Святого воспитал его»¹³.

Гиорги Мерчулэ упоминает еще одного выдающегося подвижника, «*которому имя наречено было Димитриос. Ибо он блаженной матерью Фебронией был воспитан и отцу Григолу сделался учеником»¹⁴.*

С таким параллелизмом в действиях матери Фебронии и Григола Хандзтели мы встречаемся и на других страницах повествования Гиорги

¹³ *Ibidem*, XII.

¹⁴ *Ibidem*, XL.

Мерчулэ. Например, отец Григол обличает в прелюбодеянии государя Ашота куропалата, и, спустя некоторое время, уже мать Феброния с таким же обличением обращается к тому же государю, который осмелился прийти в Мерэ для возвращения отобранной у него отцом Григолом *«женщины любодаяния»*¹⁵. Эти параллельные места еще более усиливают впечатление равновеликости и избранничества матери Фебронии и отца Григола. Их взаимное равенство и превосходство над всеми остальными приобретает яркий и поразительный образ в эпизоде низложения нечестивого епископа Ццира. Мать Феброния не только участвует вместе с отцом Григолом в церковном соборе, созванном для суда над Цциром, что само по себе удивительно, если учесть менее видное место, которое обычно занимала женщина в обществе и Церкви, и строгий призыв апостола Павла: *«Жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении»* [1 Кор 14, 34], но опять же вместе с отцом Григолом предстает главным действующим лицом этого собора. *«Тогда верные те архипастыри отлучили его от почести его. И отец Григол и мать Феброния облаченного из алтаря свели и перед алтарем раздели и все совместно извергли его из католической Церкви»*¹⁶.

Мать Феброния и сама подтверждает свое осо-

¹⁵ *Ibidem*, LV.

¹⁶ *Житие святого Григола Хандзтели*, LXIX.

бое положение в кругу Григола. Она смело называет его своим братом и, как старшая сестра¹⁷, обращается к нему с увещанием относительно монахини, которую он проклинал за совершенные до пострига прелюбодеяние, клевету и разрушение семьи государя. Эту монахиню, после ее смерти и погребения, трижды находили выброшенной из общей гробницы сестер монастыря.

Письмо Фебронии к отцу Григолу пронизано глубочайшим почтением и восхищением. Она прославляет Григола, как святого священника, божественного учителя, утверждение верных, слова которого *«пророчески исполняются среди людей»*. И именно такому лицу она спокойно и твердо, как человек, знающий цену своим словам, дерзает дать совет, более того, указание: *«Однако ныне время прощения, сотвори милость для обреченной той женщины, как приличествует святости твоей»*¹⁸.

Во взаимоотношениях с отцом Григолом особенно ясно проявляется одно свойство, талант матери Фебронии, который характеризует ее как истинного воспитателя, духовного и нравственного наставника, – величайший такт. Но то же свойство матери Фебронии видно и в общении с другими

¹⁷ Мать Феброния, видимо, возрастом была старше отца Григола, по крайней мере, о том, что она *«престарелой была весьма и на погребение упокоившихся не в силах была приходить»* (LVI), говорится гораздо раньше, чем об отце Григоле, что он *«весьма чрезмерно состарился»* (LXXI).

¹⁸ *Житие Григола Хандзтели*, LVII.

лицами, будь то Ашот куропалат, мать отца Григола или бесноватая женщина, принявшая постриг в ее монастыре.

Картину взаимоотношений двух подвижников венчает история родной матери отца Григола, которая, узнав через много лет о потерянном сыне, пришла к матери Фебронии, при которой в Мерэ и произошла встреча матери и сына. Именно перед матерью Григола объявляет мать Феброния, как она смотрит на свою дружбу с великим наставником: *«Боголюбивая мать, вместе с чадом твоим и братом моим Григолом и я ныне чадо твое»*¹⁹.

Она не просит признания себя сестрой и дочерью, но передает себя в этом качестве, как дар, в ценности которого она не сомневается, что несомненно привилегия имеющего хотя бы небольшое превосходство, преимущество.

И те параллельные места, которые приведены выше, создают определенное впечатление ее превосходства. Та женщина, которую отец Григол поручил матери Фебронии ради спасения ее души, впоследствии теряется на страницах повести; а Зенон, которого мать Феброния передала своему духовному наставнику и брату, упоминается в дальнейшем, как *«великий Зенон»*²⁰, *«истинный духовный сын, подобный отцу, добрый ученик, наместник учителя, блаженная добродетелей*

¹⁹ *Ibidem*, XXIX.

²⁰ *Ibidem*, LXXV.

сокровищница, монашества правило святое, Кларджетских пустынь ограждение...»²¹. Так же и воспитанный матерью Фебронией Димитриос поминается, как «*христоносный*» и причисленный «*к первым ученикам*» отца Григола²².

Обмен учениками между этими двумя духовными наставниками имеет даже некоторый оттенок комической неравноценности, поскольку отец Григол предлагает матери Фебронии для исправления как-то больше сбившихся с пути женщин, а мать Феброния снабжает отца Григола первоклассными подвижниками.

Отец Григол и мать Феброния оба обличают в прелюбодеянии Ашота куропалата. Но свое обличение отец Григол высказал не лично, но направив к куропалату своего тезку «*святого Григола, великого того старца*», надо думать, из-за почтения к царю²³. И результатом этого обличения явилось то, что куропалат «*обещал избавиться от того греха и женщину ту отослать, откуда и привел ее. И не смог подтвердить свое повеление избавиться от нее, ибо поработился похотению*»²⁴. Значит, обличение не достигло своей цели. В отличие от этого, мать Феброния лично обличила пришедшего

²¹ *Ibidem*, XII.

²² *Ibidem*, XL.

²³ О чрезвычайной любви и благоговении отца Григола перед Ашотом куропалатом свидетельствуют слова, которыми он оплакал убиенного государя (XIII).

²⁴ *Житие Григола Хандзтели*, LV.

в монастырь куропалата, и одна ее реплика, заимствованная у пророка Давида, так потрясла будущего мученика и святого, что *«устыдился, праведным обличением посрамленный, и надолго умолк, как побежденный,..от тесноты сердечной сказал: «Благо тому человеку, который уже не жив»...Ибо обличителем имел свой разум, когда воля плотолюбия удалась от него и позор свой уразумел. Духом же радовался, когда мудрость прогнала малодушие то вредное, и похвалял святых тех насилие»*²⁵.

Из глав книги Гиорги Мерчулэ, которые относятся к матери Фебронии, можно составить отдельную маленькую книжку, где сравнительно коротко, но объемно и впечатляюще представлена эта замечательная подвижница. Сведения Гиорги Мерчулэ о матери Фебронии можно расположить, подобно ступеням лестницы, восходящей в недостижимые сферы. Как будто между прочим сообщает Гиорги Мерчулэ: *«А таков был и обычай того времени отцов настоятелей, ибо без совета с матерью Фебронией ни за какое дело брались»*²⁶. Сам Григол Хандзтели и его избранные ученики прославлены были в свою и последующую эпоху святостью, мудростью, дарами пророчества, чудотворения, исцеления и многими другими. И вся армия этих отмеченных особыми милостями

²⁵ *Ibidem.*

²⁶ *Ibidem.*

Божьими подвижников, не в каком-то отдельном случае, но при начале всякого дела считала себя зависящей от совета одной женщины. Так же между прочим, походя сообщает Гиорги Мерчулэ: *«Некая же из сестер поблизости от них проходила и услышала одно слово, другого же не дерзнула более слушать, ибо святой Григол сказал блаженной Фебронии: „Что сказал тебе ангел?“»*. *«Ибо Бог был всегда между ними»*, – завершает описатель этой картины. Но согласно описанию, Бог посредством ангелов чаще обращался к Мерийской игумении, и отец Григол это знал.

Такая денница небесного мира сияла одно время в Грузии под видимым этим и преходящим солнцем. Потом по воле Божьей она надолго, вместе со всем сонмом великих сподвижников, исчезла с поднебесья мира сего. Но несомненно должна была стать участницей того избранного круга, который составляют ангелы-хранители Грузии – Нино, Шутшаник, Тамар и Кетеван.

